СОБЕСЕДНИЦА ИЗ НИЖНЕ-ОЗЕРНОЙ

В конце XIX — начале XX века в заседаниях Оренбургской ученой архивной комиссии деятельно участвовал Сергей Никанорович Севастьянов, по служебному его положению — есаул, состоявший адъютантом в штабе казачьего войска, а по душевной склонности — краевед, опубликовавший в местной печати массу статей по истории Оренбургского края.

Севастьянову в 1899 году посчастливилось разыскать в Оренбурге 78-летнюю казачку Акулину Тимофеевну Блинову (урожденную Мордвинцеву), которая была очевидицей приезда Александра Сергеевича Пушкина в Бердскую слободу 19 сентября 1833 года и свидетельницей беседы поэта со старой бердской казачкой Ириной Афанасьевной Бунтовой, замечательной хранительницей народной памяти об Емельяне Ивановиче Пугачеве и его времени.

Установил Севастьянов и еще один факт, касающийся пребывания Пушкина в Оренбургском крае. Факт этот приведен А. И. Мякутиным в первом томе сборника «Песни оренбургских казаков» (Оренбург, 1904, стр. 270). Беседуя в 1899 году с оренбургским старожилом отставным генерал-майором Василием Васильевичем Агаповым, Севастьянов прочитал ему отрывок старинной песни, помещенный в пушкинской «Истории Пугачева» и в более полном виде приведенный на одной из страничек дорожной записной книжки Пушкина. В отрывке песни речь идет о капитане П. И. Сурине, карательная команда которого была разгромлена отрядами Пугачева в бою под Рассыпной крепостью 25 сентября 1773 года:

«Из крепости из Зерной
На подмогу Рассыпной
Выслан капитан Сурин
Со командою один».

Выслушав эти строки, генерал Агапов сказал Севастьянову, что песня знакома ему издавна, еще с детских лет, и, «вероятно, Пушкин записал эту песню в Нижнеозерной, выслушав ее от Марфы Сергеевны Пичугиной, по первом муже Агаповой, матери моего отца, рожденной Донсковой (она подходила к руке Пугачева двенадцатилетней девочкой в числе прочих) и другой старухи, Пальгуевой, кажется, не знаю, как звать, за что Пушкин подарил им по платку».

Чтобы убедиться в истинности рассказа Агапова, нужно было прежде всего найти документы, удостоверяющие, что Марфа Сергеевна Пичугина (урожденная Донскова, в первом браке Агапова) была современницей Пугачевского восстания, а 60 лет спустя, в 1883 году, могла быть очевидицей приезда Пушкина в Нижне-Озерную крепость. Поиск привел нас в Оренбургский архив, где и были обнаружены материалы церковного и ревизского учета населения Нижне-Озерной крепости в XVIII—XIX веках.

Первое упоминание о Марфе Сергеевне встретилось в духовной росписи, составленной священником Никольской церкви ранней весной 1773 года, месяцев за шесть до начала Пугачевского восстания. Да, Марфа была современницей Пугачевского восстания. Безусловно достоверен сохранившийся в ее памяти эпизод с присягой Пугачеву, выдававшему себя за новоявленного «императора Петра Третьего». Присягу на верность ему принесли все жители Нижне-Озерной, от детей до глубоких стариков. Упоминавшаяся выше пушкинская собеседница Ирина Афанасьевна Бунтова, детские годы которой прошли в той же Нижне-Озерной крепости, рассказывала, как она вместе со взрослыми присягала Пугачеву: «Бывало, он сидит, на колени положит платок, на платок руку; по сторонам сидят его генералы: один держит серебряный топор, того и гляди, что срубит, другой серебряный меч... а около мы на коленях присягаем, присягнем, да поочередно, перекрестившись, руку у него поцелуем...»

В середине 1780-х годов Марфа Сергеевна вышла замуж за казака Ивана Фроловича Агапова.

Десять лет спустя, в середине 1790-х годов, Марфа Сергеевна овдовела, а вскоре вступила в новый брак; вторым ее мужем стал казак Алимпий Петрович Пичугин. Это устанавливается при обращении к духовной росписи 1807 года.

О том, что Марфа Сергеевна была в Нижне-Озерной при Пушкине (он приехал туда 20 сентября 1833 года), свидетельствует ревизская перепись населения этой крепости, проводившаяся 16 апреля 1834 года. В перепись внесен и 6-летний Василий, тот самый, который

стал впоследствии генерал-майором и в конце XIX века рассказывал краеведу С. Н. Севастьянову о беседе своей бабушки Марфы Сергеевны Пичугиной с Пушкиным. В памяти престарелого В. В. Агапова сохранились рассказы бабушки о «пугачевщине» и о том, как Пушкин одарил свою собеседницу платком; несомненно, что Агапов сам был свидетелем того, с какой гордостью нашивала его бабушка этот платок, как берегла этот дорогой подарок.

Последнее из обнаруженных в архиве упоминаний о Марфе Сергеевне относится к году гибели Пушкина. В духовной росписи 1837 года среди членов семьи казака Ивана Алимпиевича Пичугина названа его мать, 70-летняя Марфа Сергеевна Пичугина.

Приведенные выше свидетельства церковного и ревизского учета по Нижне-Озерной крепости документально устанавливают, что прожившая долгую жизнь Марфа Сергеевна Пичугина была на своем веку и свидетельницей событий Пугачевского восстания, и очевидицей приезда Пушкина в Нижне-Озерную, подтверждая тем самым биографические показания В. В. Агапова о своей бабушке. А это побуждает нас отнестись с доверием и к той части рассказа В. В. Агапова, где речь идет о беседе его бабушки с Пушкиным, что будет подтверждено последующими наблюдениями.

Здесь важно заметить, что сын Марфы Сергеевны заурядсотник Василий Иванович Агапов был в 1833 году атаманом Нижне-Озерной крепости, а потому Пушкин, приехав 20 сентября в эту крепость и явившись, как и следовало, к атаману, обратился с просьбой указать ему стариков — очевидцев Пугачевского восстания и дать разрешение побеседовать с ними. Удовлетворяя просьбу Пушкина, В. И. Агапов не мог не познакомить его со своей матерью Марфой Сергеевной, а также с Иваном Степановичем Киселевым, Гали Бикбаевичем Усмановым, Игнатием Ефимовичем Яковлевым и, возможно, с другими стариками, живо помнившими Пугачева и события, происходившие при нем в Нижне-Озерной крепости. Их рассказы и предания внес Пушкин в свои путевые заметки и привел на страницах «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки».

Что именно, кроме песни о капитане Сурине, мог услышать Пушкин от Марфы Сергеевны Пичугиной? Оставили ли ее рассказы какой-либо след в дорожных записях поэта?

Еще будучи в Бердской слободе, Пушкин со слов Ирины Афанасьевны Бунтовой внес в дорожную записную книжку заметку о том, что Пугачев, приезжая в Нижне-Озерную крепость, останавливался в доме у некоего Полежаева («В Берде Пугачев жил в доме Константина Ситникова, в Озерной у Полежаева»). Дополнительные сведения о Полежаеве узнал Пушкин, приехав в Нижне-Озерную. Со слов одного из беседовавших поэт записал: Пугачев, «проезжая по Озерной к жене в Яицк, останавливался обыкновенно у казака Полежаева, коего любил за звучный голос, большой рост и проворство». Биографические данные об этом любимце Пугачева удалось установить при обращении к духовной росписи жителей Нижне-Озерной 1773 года, где названы «Петр Алексеев сын Полежаев» (78 лет) и «жена его Афимья Меркулова» (67 лет). Духовная роспись 1791 года отмечает, что овдовевший к тому времени Полежаев жил в доме у Артамона Тимофеевича Панурина. А этот Панурин был, как сказано выше, отчимом Алимпия Петровича Пичугина — второго мужа Марфы Сергеевны. Ей и прежде известен был Полежаев, но, войдя невесткой в семью, где он жил и скончался незадолго до ее замужества, она многое узнала о нем по рассказам людей, проживших с ним под одной кровлей не один год. Несомненно, что именно ей, Марфе Сергеевне, принадлежит примечательная характеристика Полежаева, внесенная Пушкиным в путевые заметки.

В бумагах Пушкина сохранилась конспективная запись предания, услышанного им в Нижне-Озерной крепости: «Пугачев на Дону таскался в длинной рубахе (турецкой). Он нанялся однажды рыть гряды у казачки — и вырыл 4 могилы. В Озерной узнал он одну дончиху и дал ей горсть золота. Она не узнала его». Рассказ этот окрашен фольклорными мотивами, но есть в нем и черты реальной действительности. Пугачев и на самом деле много бродяжил по Дону в 1770—1772 годах и вполне возможно, что мог для прокормления наниматься на любую работу. Известно также, что выходцы с Дона, донские казаки, в XVIII веке уходили с семьями на Яик и записывались в ряды Яицкого и Оренбургского казачьих войск, получая при этом фамилии «Донсковы» или «Донские». А в рассказе В. В. Агапова и в духовной росписи 1773 года как раз и говорится о том, что Марфа Сергеевна была урожденной Донсковой, из чего и следует, что ее родители Сергей Павлович и Анна Игнатьевна Донсковы были выходцами с Дона, поселившимися в 1760-х годах в Нижне-Озерной крепости (она была основана в 1758 году). Эти наблюдения позволяют установить, что упоминаемая в пушкинской записи «дончиха», повстречавшаяся Пугачеву в Нижне-Озерной крепости в дни восстания, не кто иная, как Анна Игнатьевна Донскова, а сама эта запись сделана Пушкиным со слов Марфы Сергеевны. Чисто легендарная часть ее рассказа — о четырех могилах, вырытых Пугачевым, — использована Пушкиным в 1-м примечании ко второй главе «Истории Пугачева». Рассказывая о днях бродяжничества Пугачева на Яике (происшествие, как видно, перенесено с Дона на Яик), Пушкин писал: «Однажды, нанявшись наконеть гряды в огороде, вырыл он четыре могилы. Сие обстоятельство истолковано было после как предзнаменование его участи».

Благодаря обращению к документам Оренбургского архива удалось воссоздать биографию пушкинской собеседницы Марфы Сергеевны Пичугиной, а используя исследовательские наблюдения, установить те ее рассказы, которые были внесены Пушкиным в его путевые заметки.

Р. ОВЧИННИКОВ.

Гравюра А. Преснова.